

№ 98. [ДОКЛАДЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ НА СЪЕЗДЕ] П.А. КРОПОТКИН. РЕВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

В номере четырнадцатом «ХЛЕБ И ВОЛЯ» были напечатаны решения небольшого съезда, состоявшегося в декабре 1904-го года, на котором несколько товарищей, анархистов-коммунистов, высказали свои мнения относительно необходимости образования анархической партии в России и вкратце указали основные начала, на которых партия могла бы сформироваться¹³¹.

С тех пор в России произошел целый ряд крупных событий, которые уже в корень переродили всю жизнь страны и глубоко отзовутся на всей ее дальнейшей истории. Революция разлилась широкою волною по всей России, Сибири, Польше, Кавказу и т.д., и мы имеем перед собою почти двухгодовой опыт революционной жизни. А потому, возобновляя теперь наше временно приостановленное издание и приступая к изданию «ЛИСТКОВ „ХЛЕБ И ВОЛЯ“», мы сочли нужным собраться в числе нескольких товарищей и тщательно обсудить, что дал нам опыт этих лет.

Прежде всего мы отмечаем, что мы не ошиблись тогда в нашем основном положении. Переход от самодержавия к какой-нибудь форме представительного правления, к которому вело все развитие Европы в девятнадцатом веке и о котором заговорила тогда Россия, не совершился у нас тем путем, каким подобный переход совершился в 1848-м году в германских государствах и как того ожидали теоретики, воспитанные на немецкой социал-демократической литературе. Он идет у нас тем путем, каким шел в Англии, в 1648—1688 годах, и во Франции в 1789—1794, — то есть путем народной революции, продолжающейся несколько лет и глубоко изменяющей существующие отношения — политические и экономические, — революции, низвергающей Старый Порядок и водворяющей Новый.

Требования, выставленные народными массами в России, оказались гораздо шире тех, которыми довольствовались берлинские рабочие в 1848-м году. Русские городские рабочие уже выставили широкие экономические требования и еще не сказали в этом отношении своего последнего слова; а крестьяне заявили свое право не только на те земли, которые были отняты у них в 1861-м году во время освобождения от крепостной зависимости, но и на все земли, отнятые раньше у народа боярами и вельможами, путем захвата или царских законов.

Программы, которыми хотели заранее ограничить русскую революцию, полетели, таким образом, как карточные домики, едва народ начал выступать на борьбу.

Кроме того, самыми могучими силами в русской революции оказались городские рабочие и крестьяне. Они сразу опередили революционеров из имущих классов. Если самодержавие пошло уже на уступки, то вынудили эти уступки такие массовые события, как манифестации 9-го января 1905-го года, почти всеобщие стачки в мае того же года в Польше, всеобщая забастовка в октябре, повсеместные волнения в городах и, наконец, широко разлившиеся крестьянские восстания, начавшиеся с осени 1904-го года и продолжающиеся по сию пору; причем, очевидно, что глубоко возмущенные крестьянские массы не успокоятся, пока не будет признано их право на все вышеупомянутые земли.

Благодаря этому, дело русской революции сразу поставлено так, что переворот у нас не может ограничиться одним изменением формы правления и заменой Петергофской дворни представительною Думою. Переворот совершается у нас экономический вместе с политическим. И совершается экономическая ломка — не через новые представительные учреждения, — как того желали и требовали наши буржуазно-демократические партии, а самим восстающим народом.

Сама жизнь доказала, таким образом, что мы были правы, когда заявляли два года тому назад, что не признаем возможным делить борьбу на два последовательных периода: один для политического переворота, а другой — для экономических реформ, которые будто бы совершит русский парламент. Вместе с всем русским народом мы боремся против самодержавия; но мы обязаны, вместе с тем, работать, чтобы расширить борьбу и направить ее одновременно против капитала и против государства.

Мало того. Мы утверждаем, что только то и будет достигнуто для улучшения материальной жизни крестьян и рабочих, только то и положит конец голодовкам в России и вымиранию миллионов русского народа, — только то даст народу возможность двигаться дальше на пути к полному освобождению, — чего крестьяне и рабочие добьются сами, революционным путем. Волю цари не дарят; парламенты ее также не дают: ее надо брать самим.

Уговаривать поэтому рабочих, чтобы они на время отложили свои экономические требования, и уверять их, что они всего этого лучше достигнут через Думу, — или же уверять крестьян, что надо бунтовать, чтобы получить Учредительное Собрание, а оно уже даст им землю и волю, — в наших глазах преступно. Люди, проповедующие такую тактику, должны были бы знать, что никогда, нигде, никакой парламент, даже во время революции, не брал и не мог взять на себя совершение серьезных экономических преобразований

законодательным путем.

Всякий Парламент, всякая Дума, всякое Учредительное Собрание, по существу своему, есть сделка между партиями будущего и партиями прошлого. А потому он не может принять никакой революционной меры. Самый революционный парламент может только утвердить, узаконить то, что уже будет совершено народом. Самое большее, что он может сделать, это — распространить (на бумаге, по крайней мере) на всю страну то, что сделано уже в значительной части страны. Но и то бывает только под давлением извне, и такое распространение тогда только и переходит в жизнь, когда на местах, на деле, народ совершает переворот. (Самый революционный парламент в истории был Конвент, избранный во Франции, в сентябре 1792 года, тотчас после того, как народ Парижа взял королевский дворец и засадил короля в тюрьму. Этот Конвент признал, в июне и в июле 1793 года, уничтожение, без выкупа, всех крепостных (феодалных) прав и возврат сельским общинам земель, отнятых у них помещиками за предыдущие 225 лет, — после того как крестьяне совершили уже и то и другое на деле в большей половине Франции. Но — чтобы добиться этих двух законов от Конвента, революционной части Конвента пришлось 31 мая 1793 года поднять Парижский народ против Конвента, при помощи Парижской Коммуны заарестовать другую часть Конвента, то есть 214 членов, из которых 31 были объявлены вне закона и казнены, а 180 засажены в тюрьму. И это — для того чтобы провести такое явно справедливое решение, которое в части Франции крестьяне уже сами провели и совершили.)

Мы прекрасно знаем, что даже при указанных сейчас благоприятных условиях совершающийся в России переворот все-таки не будет социальной революцией. Но он может быть шагом, облегчающим затем успех социальной революции, если улучшение материального и правового положения крестьян и рабочих будет достигнуто революционным путем, а не путем законодательных полумер.

Если русская революция действительно примет такой характер, — а от нас самих многое зависит в этом отношении, в таком случае в России не создастся той крепкой и сильной власти феодально-буржуазного государства, которая создавалась в семнадцатом веке в Англии и в 1848-м году в Германии и которая затормозила на долгие годы дальнейшее освобождение рабочих и крестьян.

Если русские крестьяне завоюют себе землю, а также личную и общинную свободу, если они утвердят право на землю для всех тех, кто хочет возделывать ее своими руками, и заставят Думу признать этот совершившийся факт; если русские рабочие, теперь же, во время начавшейся революции, завоюют условия, дающие им возможность общечеловеческого развития, не только уменьшая рабочий день, но и утвердивши свое право и возможность самим, непосредственно заведовать промышленностью, — если они осуществят только это, а осуществить при теперешнем положении они могли бы и больше, — тогда, какая бы форма представительного правления ни народилась в России, она уже не приобретет той власти, которую приобрел Наполеон I после Революции или же Бисмарк после уличного бунта в Берлине, побудившего прусского короля создать Парламент. Тогда русский Парламент уже не будет могучим оплотом буржуазии. В худшем случае он будет только мертворожденным учреждением переходного периода. (Вспомним, что во Франции, во время Великой

Революции, несмотря на невероятное истощение, в которое повергли ее войны, объявленные ей всеми монархиями (в революционных войнах погибло более миллиона самых отважных людей), — несмотря на отчаянную реакцию, ставшую возможной в силу такого истощения, — феодально-буржуазные правительства Бурбонов и Орлеанов не могли продержаться более 15—18 лет. Революции повторялись каждые 16—18 лет: Франция пережила уже одну социалистическую революцию (1848) и одну коммунистическую (1871).)

Опыт последних двух лет еще более убеждает нас в том, что нашу конечную цель, то есть разрушение капитализма и его верного слуги, государства, и замену их вольным коммунизмом, — мы постоянно должны иметь в виду, как бы ни было далеко их конечное осуществление. Она одна дает нам верную меру для оценки всех совершающихся событий и наших собственных действий во время революции.

Но мы поступили бы безумно, если бы мы ограничили свою борьбу исключительно экономической программой, оставшись безучастными к совершающейся теперь политической борьбе против самодержавия. Самодержавие — одна из самых вредных форм государственности, хотя бы уже потому, что она дает государству такие страшные силы, что борьба против нее требует невероятных усилий и жертв, — у нас в России она ведется уже полстолетия, если не больше. Ею держалось крепостное рабство, ею доведена крестьянская Россия до ее ужасного, нищенского состояния, и ею она держится в этом состоянии; ею поддерживается рабство и экономическая приниженность везде в Европе. Самодержавная Россия была жандармом Европы против народных революций 1848-го года. Она помогла, больше чем кто-либо, задушить социализм 1848-го года, и она же, вместе с Англией, стояла во главе коалиции против революционной Франции 1793-го года.

Поэтому, признавая идеалом будущего безгосударственный строй, мы, тем не менее, не можем оставаться вне реальной жизни, ожидания пришествия нового строя. Мы боремся не с отвлеченным понятием о государстве, а с государствами живыми и угнетающими народы. Оттого наши товарищи в Западной Европе и Америке, — зная, что, какую бы личину ни принимала государственная власть, она всегда является защитником интересов земельных, промышленных, торговых и биржевых эксплуататоров, — находятся с нею в постоянной борьбе, какую бы форму она ни принимала.

Тем больше обязательно нам бороться против государственной власти в России, где, благодаря целому ряду исторических условий, самодержавие является не только врагом всякой личной свободы человека, но и создателем и охранителем самых ужасных форм эксплуатации народного труда, и вместе с тем формой, навязанную русскому народу извне.

Вообще, историческая жизнь идет не по клеточкам, на которые разграфили ее всякие теоретики. И если политическая форма, которая заступит в России место самодержавия, будет та или другая форма представительного правления, — из этого вовсе еще не следует, чтобы русские представительные учреждения непременно должны были быть сколком с прусского или немецкого имперского парламента. Если русскому народу удастся теперь же подрезать крылья капитализму и земельной аристократии, то он этим самым уже подрежет крылья и государственной власти. Он сделает феодально-буржуазный парламента, на немецкий манер, невозможным; но он сделает невозможной и централизованную

республику, на манер французской. А если народному восстанию в России удастся подрезать власть центрального правительства и отвоевать у него многое из того, что в Западной Европе считается достоянием министерских чиновников; если русский народ отвоеует себе широкие права экономические и политические в общине, в сельском обществе, в волости и в области; если народ возьмет сам в свои руки заведывание хозяйством, продовольствием, образованием, путями сообщения, рудниками и т.п. — отнявши все эти области у петербургских чиновников, — то и русское государство, каким оно сложится после революции, получит совершенно другой характер, чем оно получило после революции в Англии, во Франции и в Соединенных Штатах. И в силу этого русскому народу будет облегчена дальнейшая борьба с капитализмом.

Вообще, наши теоретики социалисты слишком поторопились решить, что Россия непременно должна пройти через период точь-в-точь такого же парламента, какой получили немцы. Германия еще не переживала революции. Ее конституции — октроированные, то есть дарованные королями, напуганными французской революцией 1848 года; они — не плод революции.

Мы можем поэтому смело утверждать, что от степени энергии, которую проявят в теперешней революции крайние противугосударственные партии, — будет зависеть большая или меньшая сила государственной власти, то есть чиновничества, в России, а также большая или меньшая подчиненность личности и большая или меньшая политическая свобода, которую завоеует Россия. А вместе с тем и прочность владычества буржуазии.

Если анархисты и сродные им элементы предоставят все дело политического переворота в руки буржуазных якобинцев и их естественных союзников — социал-демократов, мечтающих о диктатуре своей партии, — то они изменят народному делу, и их бездействие отзовется на весь дальнейший ход истории. Анархическое понимание политических отношений настолько сродни русской жизни, а государственная, то есть чиновничья централизация настолько чужда и противна русской жизни и русскому складу ума, что в этом отношении нам предстоит громадная работа, лишь бы среди анархистов нашлись и около них сгруппировались люди, понимающие всю важность этой работы — именно в настоящую минуту, когда централизаторы и чиновники всех лагерей хотят утвердить свою власть на развалинах власти, теряемой гнилым самодержавным строем.

В Думе нам делать нечего. В лагерь правящих мы не пойдем. Давать наши силы на дело созидания государственной силы мы не станем. У нас есть своя работа. Но мы изменили бы своей программе, если бы на том основании, что Дума не есть анархическая форма политических отношений, мы отошли в сторону и перестали интересоваться ее действиями. Напротив того, и до созыва Думы, и после мы обязаны разъяснять еще неясные, может быть, требования и желания самостоятельности среди народа, упорно отстаивать их, проводить их в жизнь, требовать их признания от желающих идти в Думу и, как бы думцы ни вздумали решать вопросы народной жизни, мы должны настаивать на следующем:

Земля — вся земля — народу, тем, кто сам обрабатывает ее. Не в личное владение, как это сделали буржуазные парламента французской революции, — в общинное. И передача дела распределения земли не в руки Министерства Государственных Имуществ, хотя бы и

социал-демократического, а самих общин и союзов общин.

Фабрики, заводы, угольные копи, железные дороги — не Министерству Труда, а самим рабочим, которые на них работают, организованным в вольные союзы.

Почту и почтовые сообщения — не Почтовому Директору, а тем, которые в данное время совершают реально, на деле, всю почтовую работу на местах.

Образование народа — не Боголеповым, одетым в новые мундиры, — а самому народу, самим крестьянам и рабочим, самим жителям, организующимся для этого в Образовательные союзы.

И так — во всех вопросах. По каждому из них мы должны стоять с народом и об руку с ним бороться против централизаторских якобинских стремлений буржуазии и социал-теоретиков.

И чем сильнее выступим мы на защиту наших начал в каждом практическом вопросе, — именно теперь, в эту пору всеобщей ломки, — тем больше сделаем мы для дальнейшего развития Анархизма. Революция открывает нам возможность выступить из области теории в практическую агитацию.

Постыдно было бы уклониться от этой обязанности.

Еще несколько слов.

Присматриваясь к тому, что до сих пор делали в России анархисты, мы должны призывать, что нашими товарищами едва ли была понята вся важность предстоящей нам задачи.

Много личного геройства было проявлено за эти два года. Но все оно проявлялось так, как будто мы думали, что стоит только отдельным лицам смело объявить войну старому порядку, совершить несколько актов террора и отнятия денег у богатых, чтобы народ восстал, свергнул немедленно старый строй и приступил к коммунистической экспроприации богатств. Дело революции, однако, не так просто. Без народа, без массы не может быть революции. Но массы, — если геройские акты и заставляют их задумываться, — все-таки не поднимаются, если внутри их не сделано серьезной, предварительной агитационной работы.

Вообще, анархистам, в русской революции предстоит работа, гораздо более серьезная, — смело скажем, более великая, чем работа одиноких аванпостов, завязывающих перестрелку. Мы должны стать революционной силой, народной силой, которая была бы способна помочь народу, чтобы проложить новые пути в революционной перестройке всей русской жизни.

Нам предстоит не только совершить несколько подвигов личного геройства. Нам предстоит вместе с массой русского народа найти то, чего не нашли еще анархисты 1793-го года («анархисты» было ходячее слово к 1793 году. Так называли крайние партии, которые на деле совершали революцию в пользу бедных, на местах, преимущественно через посредство местных Народных Обществ), — а именно, найти новые пути, создать новые

